

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ

Научная статья

УДК 246(P473.5)

DOI: 10.24412/2309-5164-2022-1-50-68

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЧУДОТВОРНОЙ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ И КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Часть 2

Митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт (Кашин), кандидат богословия, заведующий кафедрой Богословских дисциплин КоДС

*/
Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
PhD in Theology, Head of the Department of Theological Disciplines of
Kostroma Theological seminary*

Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт

(Кашин Дмитрий Витольдович),
Костромская духовная семинария,
Кострома, Россия, ferapontk@ya.ru

Аннотация. В данной статье, как и в опубликованной ранее подборке материалов по XIX веку, приводятся в хронологическом порядке тексты из различных источников, собранные автором для написания книги о Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы.

Все даты в тексте приводятся по старому стилю, сокращения раскрываются без дополнительных оговорок или (при их возможной неоднозначности) посредством квадратных скобок, пояснения автора выделены квадратными скобками. Цитирование производится преимущественно в согласии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: Феодоровская икона Божией Матери, Кострома, Костромская епархия, Костромской кремль.

Для цитирования: Ферапонт (Кашин), митр. Костромской и Нерехтский. Материалы по истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и Костромского кремля в начале XX века. Часть 2 // Ипатьевский вестник. 2022. № 1. С. 50–68. [https:// doi.org/10.24412/2309-5164-2022-1-50-68](https://doi.org/10.24412/2309-5164-2022-1-50-68)

KOSTROMA DIOCESE: MILESTONES OF HISTORY

Scientific article

**MATERIALS ON THE HISTORY OF THE WONDERFUL
THEODOROVSKAYA ICON THE MOST HOLY
THEOTOKOS AND THE KOSTROMA KREMLIN
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Part 2

Metropolitan of Kostroma and Nerekhta Ferapont

(Kashin Dmitry V.)

Kostroma theological seminary, Kostroma, Russia,

ferapontk@ya.ru

Abstract. This article, as well as the previously published collection of materials on the 19th century, presents in chronological order the texts from various sources collected by the author for writing a book about Theodorovskaya Icon of the Most Holy Theotokos.

All dates in the text are given according to the old style, abbreviations are disclosed without additional reservations or (in case of their possible ambiguity) by means of square brackets, the author's explanations are highlighted in square brackets. Quoting is done primarily in accordance with modern spelling and punctuation standards.

Keywords: Theodorovskaya icon of the Mother of God, Kostroma, Kostroma diocese, Kostroma Kremlin.

For citation: Ferapont (Kashin), metropolitan of Kostroma and Nerekhta. Materials on the history of the wonderful Theodorovskaya icon the most Holy Theotokos and the Kostroma Kremlin in the beginning of the XX century. Part 2 // Ipatievsky vestnik. 2022. № 1. P. 50–68 (In Russian). [https:// doi.org/10.24412/2309-5164-2022-1-50-68](https://doi.org/10.24412/2309-5164-2022-1-50-68)

В ПЕРВОЙ части настоящей статьи (см.: Ипатьевский вестник. — 2021. — № 4. — С. 45–62) мы в частности описали ход обсуждений на съезде вопросов, связанных с минейной (милютинской) редакцией Сказания. А еще до начала съезда И. В. Баженов сдал в печать подготовленный им к публикации текст пространной редакции Сказания (написанное им предисловие датировано 24 апреля 1909 года¹). До недавнего времени эта публикация (пространной редакции) оставалась по сути единственной — и только в 2011 году О. Н. Радеева в приложении к своей диссертации поместила текст пространной редакции по нескольким спискам, хранящимся в Российской государственной библиотеке². И. В. Баженов, имея доступ к четырем известным ему (и хранившимся

¹ Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери / публ. и предисл. И. В. Баженова // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Выпуск XIX. СПб., 1909. С. 190.

² Радеева О. Н. Сказание о Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. С. 295–340.

в Костроме) спискам пространной редакции Сказания (в том числе и сопровождавшимся текстом старинной службы в честь явления Феодоровской иконы, на 16 августа), выбрал из них самый ранний. В предисловии к публикации Иван Васильевич указывал:

«В сравнении с вышеозначенными рукописями определяется достоинство печатаемой рукописи из сборника Богоявленского монастыря. Она написана диаконом костромской Троицкой, что у Богоявленского монастыря, церкви Петром С. Поповым и им окончена 1 февраля 1708 года, следовательно 201 год тому назад, — сама же по себе представляет, как видно из 1[–го] листа, копию с рукописи, написанной, по обещанию иеродиакона Ипатиева монастыря Лонгина, игуменом Печенгского монастыря Кириллом 1 мая 1670 года, следовательно за 239 лет до настоящего времени. Таким образом, напечатанная здесь рукопись имеет по времени своего происхождения преимущество пред вышеозначенными подобными (хотя более полными, именно по написанию службы) рукописями и могла служить образцом для них и других списков с нее. (...) Напечатанное сказание несомненно было полагаемо в основу существующих в печати описаний Феодоровской иконы Богоматери, но еще не было сполна напечатано»¹.

Действительно, в рукописи Сказания, опубликованной И. В. Баженовым, после заглавия имеется указание:

«Написажеся сия книга смиренным игуменом Кириллом монастыря Печенского, по обещанию иеродиакона Логгина, во обители Святой Живоначальной Троицы Ипацком, в лето от сотворения света 7178-го, а от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1670-го месяца маиа в 1 день»².

Примечательны личности монахов-книжников, упомянутых в этой записи. Иеродиакон Лонгин был ризничим Ипатьевского монастыря, затем стал игуменом Богородицкого Игрицкого мужского монастыря под Костромой, на речке Песочне (и поэтому иногда именовавшегося Песоченским). Инспектор Костромской духовной семинарии Д. Ф. Прилуцкий, составивший в 1851 году «Историческое описание Богородицкого Игрицкого второклассного мужского монастыря», в списке его игуменов указывал:

«Игумен Логгин с 1675 года по 1684 год, из постриженников Бабаевского монастыря. В 1665 [году] он был ризничим Ипатьевского монастыря и иеродиаконом и приложил в Игрицкий монастырь рукописную книгу, в коей содержится сказание о явлении чудотворной иконы Песошенской, писанную старцем Филаретом Рытаровским»³.

Таким образом, имя отца Лонгина оказалось связанным сразу с двумя литературными памятниками, посвященными прославившимся на Костромской земле чудотворным иконам Пресвятой Богородицы.

¹ Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери / публ. и предисл. И. В. Баженова // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Выпуск XIX. СПб., 1909. С. 189–190.

² Там же. С. 191.

³ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Богородицкого Игрицкого второклассного мужского монастыря // Семенова А. В. Игрицкий монастырь и его святыня. Кострома, 2015. С. 230. О рукописной книге старца (монаха) Филарета Рытаровского см.: Семенова А. В. Игрицкий монастырь и его святыня. Кострома, 2015. С. 90–92.

Относительно игумена Кирилла костромские библиографы О. В. Горохова и П. П. Резепин сообщают:

«Кирилл (XVII). Игумен кольского Трифонова Печенгского Спасо-Преображенского монастыря Архангельской епархии (1664–1666) и костромского Ипатьевского Троицкого монастыря (1666–1670). Участник встречи (...) патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария в городе Москве (02.11.1666), московских (...) соборов с их участием (1666–1667), свидетельства чудес от иконы Божией Матери Шуйской в городе Шуе (...) (02.07.1667) и др[угое]. Писец Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери»¹.

В 1909 году почитание чудотворной Феодоровской иконы обрело свое выражение не только в исторических исследованиях, но и, если можно так выразиться, в монументальных формах. 20 августа 1909 года в Царском Селе вблизи Александровского дворца был заложен Феодоровский государев собор, посвященный чудотворному образу Богоматери; его освящение состоялось ровно три года спустя — 20 августа 1912 года, а прилегающая местность стала именоваться Феодоровским городком. В самой столице готовилось строительство храма в честь 300-летия царствования Дома Романовых — Феодоровского собора вблизи Николаевского (ныне Московского) вокзала; с 1909 года во всех церквях империи за всенощной накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы и за литургией в сам праздник Покрова (1 октября) проходил установленный Святейшим Синодом ежегодный сбор средств на постройку этого храма². И наконец, в 1909 году было принято принципиальное решение о строительстве в Костроме памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.

В начале 1909 года костромской губернатор А. П. Веретенников через министра внутренних дел П. А. Столыпина доложил императору Николаю II предложение о постройке памятника, и этот проект получил высочайшее одобрение. Был образован Особый комитет по сбору пожертвований на сооружение памятника — под председательством губернатора и с участием епископа Костромского и Галичского Тихона. С высочайшего дозволения открылась всероссийская подписка по сбору средств на памятник; к осени 1909 года было разослано 15 тысяч подписных листов с воззваниями, напоминавшими жертвователям:

«14 марта 1913 года исполняется три столетия с тех пор, когда в Российском государстве совершилось величайшее событие. В воскресенье четвертой недели Великого поста 14 марта 1613 года в Костроме в древнем Ипатьевском монастыре, благословляемый древнейшей костромской святыней, иконой Феодоровской Богоматери, взшел на всероссийский престол Михаил Феодорович

¹ Костромские монахи-книжники XIV–XX вв.: Библиографический словарь / авт.-сост. О. В. Горохова, П. П. Резепин. СПб., 2015. С. 413.

² Распоряжение епархиального начальства. О сборе пожертвований на устройство храма в память 300-летия царствования Дома Романовых. (Выписка из утвержденного епархиальным преосвященным журнального определения определения Костромской духовной консистории от 2 октября 1909 года № 3034) // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 20. Отдел официальный. С. 496.

Романов, родоначальник благополучно царствующего государя императора Николая II Александровича»¹.

Тем временем члены Особого комитета дискутировали о том, что же должен из себя представлять сам памятник.

«Неоднократно комитетом обсуждался вопрос о том, какого рода памятник должен быть? Высказывались различные мнения: одни хотели видеть памятник-монумент, другие — храм, третьи считали, что памятником может стать университет или учительская семинария, например. Не придя к единому мнению, члены комитета просили министра внутренних дел передать решение на усмотрение государя императора. Министр не счел возможным сделать это, считая, что члены комитета должны сами решить столь важный вопрос. 22 ноября 1909 года после вторичного обсуждения было проведено голосование. Девять голосов было подано за памятник-монумент, шесть — против»².

Далеко не сразу сформировалось и единое мнение о месте для памятника. Губернатор Веретенников настаивал на Сусанинской площади; художники-консультанты, приглашенные Особым комитетом, предлагали разместить памятник на малом бульваре близ кремля (где находится беседка Островского); наконец, Костромская городская дума более склонялась к идее установить монумент на площади близ кремлевских соборов. Еще 26 ноября 1909 года дума вынесла постановление:

«Предоставить комитету для сооружения памятника любое из трех мест, намеченных комитетом, а именно: 1) на соборной площади, 2) на малом бульваре, и 3) в Сусанинском сквере. Но при том просить комитет через министра внутренних дел повергнуть на Его императорского величества благоволение пожелание городской думы видеть памятник на площади близ Успенского собора, на месте существовавшего кремля»³.

В 1910–1911 годах продолжался сбор средств на строительство памятника, одновременно шло обсуждение выбора для него места, предлагались проекты памятника. Результаты конкурса проектов, прошедшего осенью 1911 года в Санкт-Петербурге, костромскую общественность не удовлетворили: особую симпатию у костромичей вызвал проект академика А. И. Адамсона, получивший в столице лишь вторую премию. 18 ноября 1911 года купец Н. В. Голованов, гласный (депутат) Костромской городской думы, выступил с обращением к коллегам-думцам и костромичам (впоследствии напечатанным отдельным изданием), в котором призывал выбрать для реализации проект Адамсона, а сам памятник разместить на площади близ кремлевских соборов. Николай Васильевич выступал весьма эмоционально, упоминая при этом и главную костромскую святыню:

«Да будет этот памятник, он так понятен, дорог сердцу нашему народу!»

¹ Ковалева Л. А. История несуществующего памятника (строительство памятника в честь 300-летия Дома Романовых в городе Костроме) // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А. В. Кострома, 2018. С. 354–355.

² Там же. С. 355.

³ Цит. по: Голованов Н. В. Какой памятник и где его поставить. Кострома, 1911. С. 13.

Но... есть это необходимое «но» и в этом деле. В деле, которое, казалось бы, должно быть результатом полного нашего единения, согласия и спокойствия. Но этого единения, этого согласия и спокойствия нет еще до сих пор...

Где будет поставлена эта гордость нашего края, нашего города, всей России, на подобающем ли месте?

И лишь задашься этим вопросом, вспомнишь и свои собственные давнишние желания, желания всех граждан города, а может и губернии — видеть этот памятник на лучшем месте, достойном месте, [в] старом нашем кремле, рядом, а не боком, с нашим величественным, чудным по архитектуре собором, где хранится наша вековая святыня, наша заступница и защитница Феодоровская Божия Матерь. Что может быть лучше этого места? Если смотреть с точки зрения интересов нас, костромичей, граждан города — то лучшего места нет: это центр нашей жизни, нашей деятельности.

В связи с нашим общественным бульваром памятник представляет собой полную гармонию с собором, с его пятью золотыми главами старинного летнего храма, с его высокой, но удачно отдаленной от памятника чудной колокольней. На месте, где теперь пустырь, где само по себе просится что-нибудь здесь именно поставить, здесь именно соорудить.

А дальше в нашей обывательской жизни, при наших торжествах, прогулках, событиях — где собирались граждане, бывало, где вы решали свои дела, где обсуждали свои заботы? Уж не под собором же, не на маленьком бульварчике, а здесь, в кремле, под покровом Божией Матери. Здесь с точки зрения нас, костромичей, и должен быть поставлен памятник»¹.

В итоге возобладала именно эта точка зрения: памятник решили поставить близ соборов, а проект академика А. И. Адамсона (несколько переработанный) был высочайше одобрен 17 июля 1912 года для воплощения.

Труженики церковной науки тем временем продолжали свои исследования. «Костромские епархиальные ведомости» публиковали статьи И. В. Баженова, посвященные Костромскому кремлю и его главной святыне. В № 10 журнала за 1910 год была напечатана работа Ивана Васильевича

«Старый город Кострома в XVII–XVIII веках и судьбы его» — сокращенный и переработанный вариант очерка 1905 года «Костромской кремль». А в № 23 за тот же год была помещена небольшая статья И. В. Баженова «По вопросу о древних списках с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери». В ней Иван Васильевич описывал две хранившиеся в Костроме у частных лиц Феодоровские иконы, которые их владельцы считали древними (однако проведенный осмотр такое мнение не подтвердил). Любопытно, что одна из этих икон (принадлежавшая жительнице Костромы А. М. Ждановой, по мнению И. В. Баженова, написанная во второй четверти XVIII века) ранее пребывала на Рязанской земле и пользовалась почитанием: «... икона эта как местно (в Данковском уезде Рязанской губернии) чтимая, и даже раскольниками, была выносива летом в сельских приходах для молебных пений и во время пожаров для защиты от огня»².

¹ Там же. С. 4.

² Баженов И. В. По вопросу о древних списках с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 23. Отдел неофициальный. С. 727.

Далее И. В. Баженов отмечал, что самым ранним списком с чудотворного образа следует считать тот, который имелся в Городце уже в 1263 году (при кончине святого благоверного великого князя Александра Невского). Статья завершалась рассказом о других списках с костромской святыни.

«Не можем здесь не упомянуть о том, что в Троицком храме Ипатиева монастыря сохраняется бывшая в моленной боярыни Марфы Ивановны Феодоровская икона Богоматери, которой она благословила сына своего Михаила Феодоровича на царское правление. Затем известно, что новоизбранный царь Михаил при отправлении из Костромы 19 марта 1613 года в город Москву взял с собой точный список с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и поставил его в своей придворной, что в сенях, Рождество-Богородицкой церкви, причем в честь этой иконы установлен свой придворный праздник 14 марта на память восшествия его на всероссийский престол. В заключение не можем не указать на то, что в некоторых церквях города Костромы, начиная с соборного храма, в коем имеется пожертвованная Михаилом Феодоровичем небольшая икона Феодоровская, тщательно сохраняются от половины XVII и XVIII веков благоговейно чувствуемые Феодоровские иконы Богоматери, из коих некоторые имеют большую древность, чем подлежащие рассмотрению и обсуждению две Феодоровские иконы, составляющие собственность частных лиц в городе Костроме»¹.

В № 24 за 1910 год и № 2 за 1911 год «Костромских епархиальных ведомостей» публиковался обширный очерк И. В. Баженова «Костромские святыни — Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненском храме»². Первая половина очерка (опубликованная в № 24 журнала) повествовала об истории и традициях почитания чудотворного Феодоровского образа Царицы Небесной. Во вступительной части Иван Васильевич отмечал:

«В честь чудотворных икон Пресвятой Богоматери посвящены великому Ее имени тысячи храмов и установлены церковные празднества, которые в разные дни месяцев с особенным торжеством совершаются благочестивыми местными жителями в различных местах нашего государства. К числу таких чудотворных икон принадлежит и Феодоровская икона Божией Матери, которой город Кострома уже более шести с половиной веков имеет великое счастье обладать как особым знамением покровительства и защиты себе. Все жители города Костромы от лет древних и доселе с глубоким благоговением почитают свою великую святыню, общее же чествование ее совершается Церковью в особенные празднества ежегодно 14 марта и 16 августа. Припадая с теплыми молитвами ко Пресвятой Богородице пред Феодоровским Ее образом, костромичи здесь почерпают силу и бодрость жизни, утешения в житейских невзгодах и общественных бедствиях и непостыдную надежду на милосердие Божие по ходатайству Преподобной Владычицы Богородицы. По справедливости

¹ Там же. С. 729–730.

² Баженов И. В. Костромские святыни — Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненском храме // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 24. Отдел неофициальный. С. 753–772; 1911. № 2. Отдел неофициальный. С. 29–44.

ности, в чудотворной этой святыне заключается и залог православия костромичей и устойчивость в добром религиозном настроении и благочестии. Под сенью же Феодоровской иконы Божией Матери костромичи воспитывают в себе и строгий патриотизм в достохвальном духе дедов и отцов, хорошо памятуя, что пред этой иконой почти три века назад — 14 марта 1613 года — юный Михаил Феодорович Романов, родоначальник царствующего Дома, изъявил согласие принять на себя тяжелое бремя царского правления, посвятить свою жизнь благоденствию русского народа, утвердить поколебленный в смутную эпоху царский трон и спасти русскую народность и вместе Православную Церковь от иноверного ига поляков. Об этой-то достопамятной в отечественной истории великой святыне костромской и предлагается наш очерк — в целях не только удовлетворить любознательности верующих, но вместе в одних оживить, в других же возбудить сознание высокой ценности и преимущества обладаемого костромичами чудесного дара Божия»¹.

Очерк носил популярный характер, однако автор затрагивал в нем и некоторые вопросы дискуссионного плана: о датировке явления иконы в Костроме и битвы при Святом озере. Иван Васильевич подчеркивал: «Признается более вероятным — ко времени удельного княжения Василия Ярославича (и отнюдь не к 1239 году) отнести чудесное явление ему иконы Божией Матери»².

Автор очерка приводил сведения о пребывании чудотворной иконы в Костромском кремле и уверенно сообщал о том, что при пожаре 1773 года погибло хранившееся в Успенском соборе полное описание чудес от Феодоровского образа.

«Феодоровская чудотворная икона имеет постоянное местопребывание в Успенском соборном храме во время совершения в нем богослужений летом, преимущественно же в Богоявленском храме, и помещается в иконостасе с левой стороны царских врат в особо устроенном месте. Здесь-то в будничные и праздничные дни верующие имеют возможность помолиться пред Феодоровской иконой Богоматери и воздавать подобающее святыне почтение и поклонение. (...)

Причина величайшего благоговения костромичей всех времен к Феодоровской иконе Богоматери заключается, несомненно, в многочисленных чудотворениях от святой иконы, которые со времени самого явления ее князю Василию Ярославичу совершаются до последних лет, но, к сожалению, лишь немногие из чудес от Феодоровской иконы сделались общеизвестными, особенно вследствие того, что в бывшем в 1773 году большом пожаре в Успенском соборе подверглось уничтожению огнем полное описание этих чудес»³.

Во второй части очерка (№ 2 за 1911 год), рассказывая о местнотимой иконе Нерукотворенного Образа Спасителя, И. В. Баженов приводил сведения из истории монастыря на Запрудне и Спасо-Запрудненского храма. Очерк завершился историко-богословским рассуждением об иконопочитании в христианской Церкви.

¹ Там же. 1910. № 24. Отдел неофициальный. С. 754–755.

² Там же. С. 760.

³ Там же. С. 769, 771.

При всем нашем уважении к Ивану Васильевичу Баженову и его трудам следует сказать, что не со всеми его мыслями и выводами — в частности, относящимися к истории чудотворной Феодоровской иконы Богоматери — мы сейчас можем согласиться. В полной мере это относится к его статье «Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года», опубликованной в № 15 «Костромских епархиальных ведомостей» за 1911 год. В этой работе Иван Васильевич задался целью реконструировать события воцарения Михаила Феодоровича Романова, связанные с шествием в Ипатьевский монастырь московского посольства и костромичей с чудотворным Феодоровским образом Пресвятой Богородицы. И. В. Баженов отмечал:

«Приближается трехсотлетняя, радостная для всей России годовщина царствования Дома Романовых. К этому юбилейному торжеству уже теперь обращены взоры России и Европы. В виду предстоящего столь грандиозного события важно не только воспроизвести самое историческое событие воцарения в Ипатьевском Троицком соборе боярина Михаила Феодоровича, но с возможной полнотой осветить различные относящиеся к нему моменты и детали. В ряду таких очень важное место занимает московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года. Однако это историческое событие доселе не имеет для себя целостного археологического эскиза в отношении указания пути следования и особенно вступления в Ипатьеву святую обитель. Предлагаемый историко-археологический экскурс в эту мало исследованную область представляется первым опытом»¹.

Одним из основных положений статьи И. В. Баженова являлось то, что шествий утром 14 марта 1613 года было два: прибывшее в Кострому московское посольство отправилось из села Селище на правом берегу Волги (Иван Васильевич называет его Новоселками) к месту впадения реки Костромы в Волгу, а крестный ход костромичей с чудотворной Феодоровской иконой Богоматери прибыл сюда же из Успенского собора Костромского кремля — и обе процессии, объединившись, направились в Ипатьевский монастырь.

«14 марта, в воскресенье четвертой недели Великого поста, состоявший во главе посольства архиепископ Рязанский Феодорит с освященным собором, в преднесении хоругвей, животворящего креста, святых московских чудотворных икон, при звоне церковных колоколов в Новоселках открыл торжественное шествие из Новоселок к Ипатьеву монастырю. И вот эта процессия проследовала по реке Волге и затем прибыла к устью реки Костромы — где на несколько времени приостановилась.

Между тем сюда же при величественном колокольном звоне во всех костромских церквях уже направлялся из соборного Успенского храма торжественный крестный ход в преднесении святых крестов, чудотворного Феодоровского образа Божией Матери и других святых икон. (...) ... крестный ход (...) прибыл к устью реки Костромы, впадающей в реку Волгу, и здесь-то соединился с московским крестным ходом.

¹ Баженов И. В. Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года // Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 5. Отдел неофициальный. С. 139.

От этого сборного пункта соединенная процессия освященных соборов в совокупности московских и костромских великих святых, в сопровождении множества сановников и народа величественно, при умирительном пении священных песнопений, с подобающим священной важности благолепием следовала по льду реки Костромы до самого Ипатьева монастыря»¹.

Эта картина, изображенная И. В. Баженовым, практически полностью соответствует описанию событий 14 марта в одном из самых известных литературных памятников эпохи начала династии Романовых — «Сказании Авраамия Палицына». Отец Авраамий, выдающийся церковно-общественный деятель и писатель, являлся участником посольства, очевидцем тех событий, и авторитет его сочинений долгое время был непререкаем — но уже в XIX веке ученые заговорили о том, что повествования отца Авраамия не столь уж беспристрастны, а личность его требует критической оценки. Мы надеемся посвятить описанию 14 марта 1613 года отдельную работу, пока же скажем кратко: нет необходимости ставить под сомнение изложение этих событий в «Сказании Авраамия Палицына», однако надо полагать, что его автор о многом умолчал. Судя по всему, московское посольство, остановившееся на ночь в Селище (кстати, название «Новоселки» также заимствовано из «Сказания Авраамия Палицына» — костромские документальные источники такого именованья не знают²), утром отправилось по волжскому льду на другой берег реки, но не в Ипатьевский монастырь, а в Костромской кремль, в Успенский собор. Об этом однозначно говорится в составленном около 1630 года «Новом летописце» — летописном источнике, отличающемся детальностью изложения исторических реалий:

«Архиепископ же Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев и все люди придоша в соборную церковь Пречистья Богородицы, и пеша молебны, и взяша чесныя кресты и месной чудотворной образ Пречистья Богородицы Федоровския и многия иконы, и поидоша в Ыпацкой монастырь, и пеша молебны у Живоначальные Троицы, и придоша к нему, государю, и к матери ево...»³.

Таким образом, московское посольство, взяв из Успенского собора чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, отправилось к матери и сыну (избранному царю Михаилу Феодоровичу) Романовым в Ипатьевский монастырь. Вполне возможно, что костромское духовенство и жители города ожидали эту процессию у места впадения реки Костромы в Волгу, как об этом писал отец Авраамий (а вслед за ним — И. В. Баженов):

«И егда приидоша на устье реки Костромы, весь же церковный чин града того облекошяся во священныя ризы и взявше честныя кресты и чудотворныя иконы, изыдоша из града со множеством народа, с женами и з детьми, и поидоша вкупе в той же Ипацкой монастырь»⁴.

¹ Там же. С. 141–142.

² Зонтиков Н. А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 230- летию возведения в камне. 1779–2009 гг. Кострома, 2010. С. 15.

³ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. Том четырнадцатый. Первая половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец. СПб., 1910. С. 129–130.

⁴ Сказание Авраамия Палицына. М. – Л., 1955. С. 234.

Назначить сборным пунктом для духовенства и жителей Костромы место за чертой города и поблизости от Ипатьевского монастыря было весьма разумно: если, предположим, костромичи собирались бы в кремле или около него, то толпа перекрыла бы городские улицы — и московское посольство просто не прошло бы в Успенский собор. Видимо, такие организационные решения принимались вечером 13 марта в Селище, где остановились московские послы и куда из самой Костромы «приидоша к ним градодержатели со множеством народа»¹.

Тем не менее картина утра 14 марта 1613 года, изображенная И. В. Баженовым, и донныне является традиционной для историко-краеведческих сочинений. Вот как, к примеру, излагаются события в книге современного костромского историка Н. А. Зонтикова:

«Утром 14 марта все участники великого посольства во главе с боярином Ф. И. Шереметевым присутствовали на Божественной литургии, которую в сослужении с другими священнослужителями, членами посольства и селищенским причтом (...) совершил святитель Феодорит. После ее окончания члены посольства с московскими святынями, вместе с многочисленными жителями Селища и окрестных селений, двинулись по льду через Волгу к Ипатьевскому монастырю. Под колокольный звон всех храмов Костромы на устье реки Костромки шествие из Селища слилось с шествием горожан, идущим из Костромского кремля с главной святыней Костромы — чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери»².

Поэтому для нас весьма важно восстановить действительную картину событий утра 14 марта 1613 года — ведь это, пожалуй, одна из самых известных и славных страниц истории чудотворной Феодоровской иконы Богородицы. Интересно, что о несправедливости концепции двух крестных ходов свидетельствуют источники не только летописные (разные редакции «Нового летописца»³), но и изобразительные. Так, на миниатюре из «Книги об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича» (1673 год) мы видим шествие, единым потоком выходящее из крепостных ворот града Костромы и приближающееся к стенам Ипатьевского монастыря. Вдали виднеется село с церковью — надо полагать, Селище; но по логике построения композиции Селище выглядит скорее как отправной пункт процессии, прошедшей через город Кострому и направляющейся в Ипатьевскую обитель.

Справедливости ради следует сказать, что И. В. Баженов не был автором концепции двух крестных ходов — он оказался лишь ее популяризатором. Утверждение о шествии утром 14 марта 1613 года московского посольства из Се-

¹ Там же.

² Зонтиков Н. А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 230-летию возведения в камне. 1779–2009 гг. Кострома, 2010. С. 21–22.

³ См., напр.: Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. Собрано из древних тех времен описаний. СПб., 1771. С. 303.

лица прямо к устью реки Костромы (через Волгу) и далее в Ипатьевский монастырь прозвучало много раньше. Отец Авраамий Палицын в своем «Сказании» указывал кратко: «Заутра же (...) поидоша ко обители Святыя Живоначалныя Троица в Ыпацкой монастырь. И егда приидоша на устье реки Костромы...»¹. Но в 1832 году епископ Костромской и Галичский Павел (Подлипский), плодотворно занимавшийся историческими исследованиями, опубликовал «Описание костромского Ипатьевского монастыря», где цитировал отрывок будто бы из монастырской летописи, а в действительности — выписку из «Сказания» Авраамия Палицына, сделанную существенно позднее написания самого «Сказания» (о чем говорит титулование Михаила Феодоровича в тексте выписки самодержцем «всея Великия, и Малыя, и Белья России») и украшенную характерными костромскими деталями. В данном тексте о шестивии посольства говорится уже так: «И поидоша чрез великую реку, глаголемую Волгу, ко обители Живоначалныя Троицы в Ыпацкой монастырь»². В книге же протоиерея Павла Островского, изданной в 1864 году, концепция двух крестных ходов предстает уже вполне оформленной:

«14 марта — это было воскресенье четвертой недели Великого поста — преосвященный Феодорит с освященным собором, в предшествии хоругвей, животворящего креста, святых чудотворных икон московских, а боярин Федор Шереметев «учинив свои чины по достоянию», открыли торжественное шествие к монастырю Ипатьевскому по Волге; одновременно с ними городское духовенство, в предшествии крестов и чудотворной Феодоровской иконы Богоматери, вышло из собора, сопровождаемое чинами воинскими и гражданскими и множеством народа с женами и детьми. На том месте, где река Кострома сливается с Волгой, соединились Москва и Кострома — в лице святынь их, освященных соборов, сановников и множества народного — в одну знаменитую и по цели и собранию святыни единственную в летописях нашего отечества процессию, благоговейно и радостно продолжавшую путь по реке Костроме до святой обители»³.

Наконец, в 1887 году член Костромской ученой архивной комиссии И. В. Миловидов, комментируя документ из архива Ипатьевской обители (еще одну выписку из «Сказания» Авраамия Палицына о событиях 1613 года), прямо указывал: «Очевидно, от Селищ к Ипатьевской обители посольство переходило чрез Волгу по льду»⁴.

Как следует из публикаций в «Костромских епархиальных ведомостях», И. В. Баженов в то время (1911–1912 годы) исследовал события 1613 года и в несколько ином ракурсе: он отстаивал точку зрения о проживании матери и сына Романовых в начале марта 1613 года в Ипатьевском монасты-

¹ Сказание Авраамия Палицына. М. – Л., 1955. С. 234.

² [Павел (Подлипский), епископ.] Описание костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством московским на царство Русское. Составлено из подлинных монастырских бумаг. М., 1832. С. 50.

³ Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестивой в императорском Доме Романовых. Кострома, 1864. С. 59.

⁴ Миловидов И. В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Выпуск первый. Кострома, 1887. С. 7.

ре — против мнения костромского краеведа-любителя (по профессии врача) Л. П. Скворцова, считавшего, что Романовы жили в своем осадном дворе в Костромском кремле и переехали в Ипатьевскую обитель лишь для принятия московского посольства¹. По этому вопросу Иван Васильевич даже выступил на XV Всероссийском археологическом съезде в Новгороде (на заседании 26 июля 1911 года). Но к роли Феодоровской иконы в событиях марта 1613 года он еще вернется чуть позже и сделает очень интересный вывод, о котором мы расскажем далее.

Одновременно с описанными выше трудами И. В. Баженова изучением истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери плодотворно занимался священник Димитрий Лебедев. Он родился в 1867 году, в 1889 году окончил Костромскую духовную семинарию и принял священный сан, а уже в зрелом возрасте поступил в Московскую духовную академию, после окончания которой в 1911 году был назначен смотрителем Кинешемского духовного училища. Во время учебы в академии отец Димитрий подготовил курсовое сочинение по церковной археологии на тему «Отношение древней церкви Феодора Стратилата к Успенскому собору в городе Костроме (в связи с повестью о Феодоровской иконе Божией Матери и топографией города)». До сравнительно недавнего времени это сочинение было известно нам лишь по отзыву, данному о нем уже упоминавшимся профессором МДА А. П. Голубцовым². Однако в XXI веке произошли события, которые в определенном смысле можно назвать чудесными. Костромской общественный деятель, бывший глава города Костромы Б. К. Коробов вспоминал в 2010 году:

«Два года назад, в 2008 году, мне позвонил друг нашей семьи Павел Иванович Смирнов, бывший директор костромской ТЭЦ-2. «Ты занимаешься историей Костромы? — спросил он. — У меня хранится одна старинная рукопись, возьми ее себе».

Открыв эту рукопись и прочитав ее, я, честно говоря, пришел в восторг от концентрации в ней материала об истории государства Российского, нашего Костромского края, его святынях. И я понял, что должен донести эту бесценную информацию до широкого круга читателей»³.

Рукописью, переданной Б. К. Коробову, оказалась магистерская диссертация священника Димитрия Лебедева, подготовленная им в 1913 году. Как

¹ См.: Баженов И. В. Где Михаил Федорович Романов с матерью инокиней Марфой нашел безопасное для себя убежище от преследований поляков в начале 1613 года? [Реферат на XV Всероссийском археологическом съезде в Новгороде] // Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 17. Отдел неофициальный. С. 513–522; № 18. Отдел неофициальный. С. 543–552; Он же. Данные относительно пребывания царя Михаила Федоровича Романова в Ипатьевском монастыре в начале 1613 года // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 14. Отдел неофициальный. С. 399–409; № 15. Отдел неофициальный. С. 435–443.

² Голубцов А. П. Отзыв о сочинении студента священника Лебедева Димитрия на тему: «Отношение древней церкви Феодора Стратилата к Успенскому собору в городе Костроме (в связи с Повестью о Феодоровской иконе Божией Матери и топографией города)» // Журналы Соборный Совет Московский духовной академии за 1911 год. Сергиев Посад, 1912. С. 252–259.

³ Коробов Б.К. [Предисловие] // Лебедев Д. И. [протоиерей]. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. С. 5.

выяснилось, определением совета Московской духовной академии от 31 августа 1912 года священнику Димитрию Лебедеву было разрешено переработать курсовое сочинение, уже упоминавшееся нами, в магистерскую диссертацию. Текст диссертации, озаглавленной «История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Историко-археологический очерк», был готов в 1913 году, однако так и не издавался, сохранился лишь в рукописи. В 1917 году отец Димитрий — остававшийся смотрителем училища, но активно занимавшийся общественной деятельностью, публиковавший в епархиальном журнале статьи на актуальные церковные и политические темы — стал протоиереем, а в 1918 году перешел на служение из Кинешмы в Успенский кафедральный собор города Костромы. В 1932 году, когда в Советском Союзе ширились гонения на Церковь и верующих, на Костромскую кафедру прибыл архиепископ Никодим (Кротков), до этого уже побывавший в тюрьмах и ссылках, пожилой и благочестивый архипастырь, соученик протоиерея Димитрия Лебедева по Костромской духовной семинарии. В 1936 году отец Димитрий подарил владыке Никодиму, своему старому товарищу, единственный экземпляр диссертации, сделав на нем надпись: «... сочинение это мое прошу глубоко почитаемого мною Высокопреосвященного архиепископа Костромского Никодима Кроткова принять в дар на хранение в библиотеку костромского епископа»¹. 3 декабря 1936 года владыка Никодим был арестован и затем скончался 21 августа 1938 года в тюрьме города Ярославля. Рукопись же диссертации отца Димитрия оказалась в 1941 году (как следует из карандашной пометки на ней) в фондах Костромской областной библиотеки имени Н. К. Крупской; что с ней происходило дальше, до того как она попала к П. И. Смирнову, неизвестно; но то, что это сочинение сохранилось до наших дней (а в 2010 году попечением Б. К. Коробова было издано), действительно можно назвать чудом.

Диссертация отца Димитрия Лебедева содержит множество сведений по истории Костромы, Костромского кремля и Успенского собора. Большое внимание автор уделяет и чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, анализирует различные редакции Сказания и текст старинной службы на 16 августа. Отметим основные положения труда отца Димитрия, относящиеся к рассматриваемым нами темам.

1. Отец Димитрий выделяет три редакции Сказания XVII века — пространную, минейную (милютинскую) и проложную. Однако хронологически первой он считает пространную редакцию, отмечая при этом ее связь со старинной службой в честь Феодоровской иконы Богоматери (на 16 августа).

2. Старинную службу на 16 августа он считает составленной не ранее XVII века, скорее всего, в начале царствования Михаила Феодоровича.

3. Послудя профессору А. П. Голубцову, отец Димитрий полагает, что составителем минейной (милютинской) редакции Сказания был сам священник Иоанн Милютин, в своей редакции исправивший ошибки составителя первой (пространной) редакции протопопа Феодора.

¹ Там же.

4. Дату явления иконы в Костроме — 1239 год — как и именование костромского князя Василием Георгиевичем (вместо Василия Ярославича) отец Димитрий называет явными ошибками составителя пространной редакции, относя явление иконы в Костроме к 1258–1261 годам.

5. Два описываемых Сказанием пожара, как полагает автор диссертации, — это отмеченные летописями костромские пожары 1304 и 1413 годов, с течением времени смешавшиеся «в народном сознании».

6. Князь Василий Ярославич, по мнению отца Димитрия, не мог являться строителем каменного Успенского собора; время начало постройки каменного собора во втором Костромском кремле — 1415–1416 годы. После пожара 1493 года Успенский собор был расширен пристройкой к южной части храма.

7. В описании событий 14 марта 1613 года отец Димитрий следует традиционной картине, основанной на «Сказании Авраамия Палицына» и соответствующей излагаемой И. В. Баженовым концепции двух крестных ходов в Ипатьевский монастырь.

Остается лишь сожалеть, что столь интересная и содержательная работа (хотя не со всеми мнениями отца Димитрия сейчас можно согласиться) осталась неизвестной для исследователей XX–начала XXI века; с другой стороны, следует особо благодарить Б. К. Коробова за то, что его попечением столь выдающийся историко-краеведческий труд был — спустя почти век после его написания! — введен в научный оборот.

Впрочем, отец Димитрий все же пытался донести результаты своих исследований до общественности. 3 июня 1912 года в Костроме состоялась церемония торжественного открытия Костромского церковно-исторического общества (КЦИО), председателем которого (до упразднения в 1918 году, когда общество вошло на правах секции в Костромское научное общество по изучению местного края) бессменно являлся И. В. Баженов. На собрании КЦИО 12 ноября 1912 года, проходившем в актовом зале Костромской духовной семинарии, смотрителем Кинешемского духовного училища священником Димитрием Лебедевым был прочитан реферат (доклад) на тему «Краткий исторический очерк начального периода города Костромы (до княжения Ярослава Всеволодовича) в связи с древней топографией города и построением соборного храма в честь святого Феодора Стратилата». Название этого реферата практически совпадает с заглавием введения магистерской диссертации отца Димитрия, то же можно сказать и о содержании — известном нам по описанию собрания 12 ноября 1912 года в епархиальном журнале:

«Почтенным отцом референтом изложен подробно следующий взгляд на начальный период древней топографии города Костромы в связи с построением первого соборного храма во имя святого великомученика Феодора Стратилата. С самого начала или основания своего, не позднее второй половины XI века, город Кострома находился на левом берегу реки Волги при впадении в нее реки Костромы, которая в те времена влиwała свои воды выше теперешнего места и ближе к месту, ныне занимаемому Ипатьевским монастырем. В этом месте город был значительно защищен от нападений вражеских с трех сторон водой — реками Волгой, Костромой и Сулой, а с четвертой — болотами

и лесами. Название свое город получил от латинского слова *Castrum*, что значит укрепленный лагерь, крепость, каковое название великий князь Юрий Долгорукий сообщил этому городу как всегда более или менее сильной крепости, перенеся на нее название хорошо известного ему города южной или юго-западной России (город Остры, в 60 верстах от Чернигова; Костры, недалеко от Юрьева–Дерпта; Кострума, замок на месте города Ревеля, и другие). После разорения города Костромы в нашествие Батыя в 1237 году он восстановлен на том же месте великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем и отдан во владение самому младшему его сыну, так называемому Квашне. Тот же Ярослав в честь своего ангела устроил в городе Костроме соборный храм во имя святого Феодора Стратилата и обнес его кремлем, каковой еще более укреплен Василием Ярославичем, как имевшим в нем свою резиденцию. В 1258–1261 годах этим князем обретена в лесной чаще близ Запрудни чудотворная икона Божией Матери Одигитрии, которая и была в крестном ходе торжественно принесена в город и поставлена в соборном Феодоровском храме, почему и получила название Феодоровской иконы Богоматери. Кремль с обычными древле деревянными стенами (с башнями) и земляными валами существовал на прежнем месте между речкой Сулой и рекой Костромой до 1413 года, когда, после истребления этой главной части города страшным пожаром, выстроен новый кремль великим князем Василием Димитриевичем на другом месте (где площадь Успенского собора). Храм святого Феодора Стратилата, хотя снова был выстроен «на старом погоревшем месте», но уже «в виде малой церкви» для поставления в нем чудотворного образа Божией Матери «на некое время» — в виду намерения великого князя соорудить каменный Успенский храм. С устройством последнего Феодоровский храм уступил новому собору честь служить местом пребывания чудотворной Феодоровской иконы, потерял значение соборного храма и, наконец, в конце XVIII века совсем прекратил свое существование»¹.

Таким образом, уже в ноябре 1912 года отец Димитрий Лебедев познакомил костромскую общественность со своим предположением о том, что Успенский собор Костромского кремля был построен в XV веке (но не в XIII столетии, как тогда считалось). Доклад зрителя Кинешемского духовного училища вызвал оживленное обсуждение, но «средоточными пунктами прений оказались представления отца референта о первоначальном основании города Костромы и месте Костромского кремля»².

«По вопросу о происхождении названия города Костромы было обращено внимание отца референта на то, что он напрасно не придает никакого значения тому небезосновательному представлению, что это название усвоено городу от имени божества весны «Кострома», под которым языческие славяне города олицетворяли живительные силы природы и устраивали особые игрища»³.

¹ Посетитель. Повременное собрание Костромского церковно-исторического общества 12 ноября // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 23. Отдел неофициальный. С. 698–699.

² Там же. С. 699.

³ Там же.

Вопрос о времени построения Успенского собора, судя по статье в епархиальном журнале, на собрании Костромского церковно-исторического общества 12 ноября 1912 года подробно не обсуждался.

Несколько ранее, в феврале 1912 года, Костромская духовная консистория издала циркулярный указ духовенству Костромской епархии, непосредственно касающийся почитания чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Поводом для издания указа послужило поступившее в консисторию предложение (то есть распоряжение) епископа Костромского и Галичского Тихона: «Так как до моего сведения дошло, что в некоторых отдаленных и глухих приходах епархии 14 марта (день празднования Феодоровской иконы Божией Матери) вовсе не празднуется и в храмах не отправляется никакой службы, то надлежит консистории о сем обсудить и сделать общее распоряжение по всей епархии для руководства на будущее время»¹.

Ничего нового в такой постановке вопроса не заключалось: обязательное совершение богослужений 14 марта во всех храмах Костромской епархии было предписано еще циркулярным указом Костромской духовной консистории 1779 года, вслед за изданием в 1778 году новой службы в честь Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы². Но указание епископа Тихона демонстрирует нам, сколь внимательно костромское священноначалие относилось к почитанию древней святыни.

Рассмотрев поступившее предложение архипастыря, консистория распорядилась:

«В виду связанного дня празднования 14 марта св[ятой] Феодоровской иконы Божией Матери с историческим событием в истории Российского государства, знаменательного в особенности для Костромской епархии, консистория определяет:

Вменить, с прописанием предложения Его преосвященства, в неперемennую обязанность духовенству епархии — неукоснительно совершать 14 марта богослужение и церковное празднование в честь св[ятой] иконы Феодоровския Божией Матери, о чем для должного исполнения сего распоряжения и объявить духовенству епархии чрез напечатание в «Костромских епархиальных ведомостях». 1912 года февраля 23 дня. № 3020»³.

В том же 1912 году, когда костромичи готовились к юбилейному празднованию 300-летия царствования Дома Романовых, костромское Феодоровско-Сергиевское братство занялось массовым изготовлением нательных образков

¹ Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Костромской духовной консистории духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 5. Отдел официальный. С. 51–52.

² К истории Костромской епархии. Указ 1779 года о вновь напечатанной службе Пресвятой Богородице Феодоровской и о праздновании явления Феодоровской иконы 14 марта. (Из рукописей Макарьево-Унженского монастыря) // Костромские епархиальные ведомости. 1890. № 20. Отдел II, часть неофициальная. С. 537.

³ Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Костромской духовной консистории духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 5. Отдел официальный. С. 52. Дата и исходящий номер относятся, возможно, не к самому указу, а к выписке, направленной из консистории в редакцию епархиального журнала для публикации.

с изображением Феодоровской иконы Божией Матери и юбилейной символической, предварительно испросив благословение Святейшего Синода на такую инициативу.

«Святейший Правительствующий Синод, указом на имя Его Преосвященства Преосвященнейшего епископа Тихона от 25 мая сего 1912 года за № 7503, костромскому Феодоровско-Сергиевскому братству преподал свое благословение на изготовление и распространение нательных образков Феодоровской иконы Божией Матери среди русского народа и населения нашей Костромской епархии в частности, а особенно среди молодежи, учащейся в средних и низших школах, с надписями на образках, соответствующими предстоящему трехсот-летию юбилею благополучного царствования Дома Романовых.

Образки имеют быть круглые, по внешней форме и размерам совершенно тождественные с обычно употребляющимися нательными образками Господа Иисуса Христа, Божией Матери и святых Божиих, но с таковыми особенностями юбилейного характера. На лицевой стороне изображение Божией Матери — Феодоровской Ее иконы, с чеканной надписью вокруг: «Пресвятая Богородица, спаси нас», а на оборотной стороне — изображение Животворящего Креста Господня осьмиконечного, с историческими юбилейными числами при подножии креста, 1613–1913, и вокруг скелами молитвы за царя: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое». Образки имеют быть серебряные и медные, разных размеров и цен. Для большего распространения образков как в Костроме при юбилейных торжествах, так по приходам и в школах епархии, духовных и светских, предполагается продавать их по возможно удешевленным ценам и частью раздавать бесплатно за счет Феодоровско-Сергиевского братства»¹.

Через епархиальный журнал братство пригласило благочинных и приходских священников делать предварительные заказы на нательные образки. В конце 1912 года приглашение было повторено — с просьбой к благочинным, еще не сделавшим предварительный заказ, — поспешить с доставкой сведений о потребности приходов в юбилейных образках². А на ежегодном общем собрании Феодоровско-Сергиевского Братства 25 ноября 1912 года председатель Совета Братства, протоиерей Благовещенской церкви города Костромы Александр Горицкий, сообщил, «что по испрошенному Его высокопреосвященством высокопреосвященнейшим архиепископом Тихоном благословиению Святейшего Синода, Советом Братства в память и в ознаменование предстоящего 300-летия царствования Дома Романовых заготовлено юбилейных нательных образков медных и серебряных на 3150 рублей и разослано уже таковых разным лицам и учреждениям на 1600 рублей»³.

¹ От Феодоровско-Сергиевского братства // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 13. Отдел официальный. С. 227.

² От Совета Православного Костромского Феодоровско-Сергиевского братства // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 23. Отдел официальный. С. 591–592.

³ Отчет о состоянии и деятельности православного костромского Феодоровско-Сергиевского братства за 1912 год // Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 22. Прибавление к официальному отделу. С. 6. Поскольку отчет составлялся в 1913 году, в тексте присутствует формальная неточность (владыка Тихон был удостоен сана архиепископа лишь 21 февраля 1913 года).

Для ознакомления с ходом приготовлений к празднованию 300-летия Дома Романовых 27 сентября 1912 года Кострому посетил обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер. Прибыв в город с утренним поездом, высокоий гость начал свой визит, по обычаю, с молитвы пред чудотворной Феодоровской иконой Богоматери.

«С вокзала Его высокопревосходительство вместе с Преосвященным Тихоном, в сопровождении других встречавших лиц, проследовал в кафедральный собор, где выслушал краткое молебное пение. Кафедральный протоиерей П. Крутиков обратился к Его высокопревосходительству с речью и поднес в благословение от собора Феодоровскую икону Божией Матери. По осмотре собора и его древних святынь, Его высокопревосходительство изволил отбыть в покои Его Преосвященства в Ипатьевском монастыре»¹.

Осмотрев затем Ипатьевскую обитель и строившуюся при ней церковно-приходскую школу, посетив Иоанно-Богословскую церковь в Ипатьевской слободе, духовную консисторию, Богоявленско-Анастасийн женский монастырь, Воскресенскую церковь на Нижней Дебре и духовную семинарию, В. К. Саблер завершил свой визит посещением литературно-музыкально-вокального вечера в епархиальном женском училище. Ранним утром 28 сентября, также на поезде, обер-прокурор Синода отбыл из Костромы.

10 января 1913 года в Царском Селе под Санкт-Петербургом, в Александровском дворце, император Николай II принял депутацию от костромского Ипатьевского монастыря, возглавляемую епископом Костромским и Галичским Тихоном. В состав депутации входили духовник обители иеромонах Виталий, ризничий иеромонах Макарий и иеродиакон Ипатий.

«Преосвященный Тихон обратился к государю императору с краткой ответственной речью и благословил Его величество Феодоровской иконой Божией Матери — родовой иконой царствующего Дома Романовых. На иконе следующая надпись: “Феодоровская икона Богоматери, Еяже изволением от людей Российския земли умолен бысть на царство благоверный государь Михаил Феодорович — родоначальник царствующего Дома Романовых. 1613–1913”»².

Такой же список с чудотворного Феодоровского образа Пресвятой Богородицы был поднесен наследнику цесаревичу Алексею. Императрице Александре Феодоровне депутация в благословение от Ипатьевской обители поднесла список с чтимой монастырской святыни — Тихвинской иконы Божией Матери, а царским дочерям — четыре иконы священномученика Ипатия, епископа Гангрского.

(Окончание статьи в следующем номере)

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования: 10.10.2021; принята к публикации 31.10.2021.

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing: 10.10.2021; accepted for publication 31.10.2021.

¹ Посещение города Костромы господином обер-прокурором Святейшего Синода // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 19. Отдел неофициальный. С. 571.

² Высочайший прием депутации костромского Ипатьевского монастыря // Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 3. Отдел официальный. С. 47.